

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Куколка работает топлесс. Интерактивная серия. Часть 1

(История интерактивна, пишется с учетом идей читателей. С описанием интерактива можно ознакомиться в конце серии) — Варька! Варька, поганка малолетняя, где деньги?

Мать знала, что через 3 месяца еду в столицу на танцевальный конкурс. А это значит — костюмы, аксессуары, макияж, билеты... Это значит деньги.

А деньги родительнице были нужны как воздух. Молодой любовник ел, пил, гулял, ненасытно выкачивая из Элеоноры, хватающейся из последних сил за уходящую сквозь пальцы красоту, все новые и новые суммы.

Часть средств покрывали наши с Леной отцы, все еще считавшие, что погубили «милую талантливую Эличку во цвете лет дурацкими беременностями», частично помогали две сдаваемые квартиры, оставшиеся от почивших бабушек-дедушек.

Но было мало. А я, доча младшая, поганка неблагодарная, «точно запасла кубышку, вся в отца». И сейчас Элеонора, как она просила ее называть при людях, перерывала нашу с сестрой комнату как трактор пашню, разбрасывая комья и рыча.

Я осторожно прикрыла входную дверь, даже не пытаясь зайти и выяснить отношения с матерью. С меньшим риском можно резать провод мины, прыгать по тонком льду весной и вырывать гранату у обезьяны. Лет с 3-х я усвоила, никогда, повторяю — никогда, не подходить к орущей Элеоноре.

Как была после школы, в стареньком платье из тонкой шерсти и с дермантиновой сумкой на длинной ремешке, развернулась и пошла на первый этаж, к закадычным своим друзьям-двойняшкам Люсе и Мише.

— Че, опять твоя дурит? Вздохнула в ответ.

— Ну, немного осталось, до лета дотянешь. А там или в Дом свой танцевальный пойдешь, или поступишь куда, или вон, за Мишку выскочишь. Все дороги открыты.

Люся как всегда была очень позитивна. И во всем видела только светлую сторону. Ее брат посадил меня на колени и, пользуясь случаем, целовал в шею.

Двойняшки были старше меня на полгода и в классе почему-то привычно опекали. Их родители были малярами, кровь от крови нашего заво-фабричного района, вечно на заработках и поездках, двухкомнатная квартира часто оставалась в полном распоряжении брата и сестры. И все было бы чудесно, если бы не особое внимание Миши в последний год.

Началось с дружеских объятий, чуть более тесных, чем обычно. Потом поглаживания.

Поцелуи. Пару раз я пыталась отказаться, не то, чтобы мне было противно, но и не особо хотелось. Тогда в ответ Мишка пылил и злился, Люся переживала, и те ночи, когда мама просила уйти и не мешать ей «строить личное счастье», приходилось проводить не у них, а ехать к отцу. А это тот еще ужас.

Поэтому проще было немножко потерпеть, и все довольны.

Сейчас Люся с хитрецой поглядывала как пальцы брата лезут мне за шиворот. Она обожала брата и считала, что я должна быть счастлива от его внимания.

— Люсь, помнишь, я у тебя сменку оставляла? Мне на работу надо переодеться.

— Сейчас найду, вроде в пакет заворачивала. Подружка открыла огромный шкаф и начала искать.

Соскучившийся Миша тут же запустил руку в ворот и по-хозяйски облапил грудь. В

последнее время он совсем перестал прятать нашу возвышенную от сестры, хотя я жутко стеснялась и упрашивала его так не делать.

— Миша, — шепчу, — не надо при Люссе.

А он уже пуговицы расстегивает, шарится, и в рот мокрым языком. Бrrr. Я отпихиваюсь, ногами по этому идиоту даже саданула разок. Но ему, лосю, все по барабану, просто упал сверху, и продолжает меня лапать.

— А, нашла! Пойду чаю попью, пока вы тут милуетесь. И бодрая подруженция пошла на кухню.

— Люся! Мой сдавленный вопль тут же закрыли поцелуем. Миша наконец дорвался до тела. Капроновые колготки были сдвинуты вниз, платье почти свернуто под мышками.

— Кисюля моя, как же я за день намучился. Яйца как каменные. А ты сидишь, неприступная вся. И после уроков без меня убежала. Он исступленно целовал мои чуть вдавленные по центру соски, гладил подрагивающими пальцами живот, забирался в трусники.

Вот удивительно, надо же, почему я на тебя целый день не смотрела?! Потому что вчера ты затащил меня под лестницу и щупал на глазах своего дружка. Типо он сторожит, пока мы целуемся.

Я рыкнула и изворачиваясь пыталась удержать стягивание вниз трусиков. Мишка был наглый в своем бесконечном желании, но хаотичный как щенок, и, если подольше сопротивляться, есть шанс, что переключится на другое.

Так и сейчас, он плонул на радости, которые я прятала между ног и просто прижался уже вытащенным членом к моему обнаженному животу.

Сжал в объятиях и задергался вверх вниз. Шипел, хвалил меня, уткнувшись в волосы, какая я желанная и мягонькая, двигал бедрами.

Постепенно я размякла. Миша осторожно спустился ниже и тер уже прямо по взмокшим трусикам. Было очень жарко, дышать тяжело, под скрип дивана я обессиленно закрыла глаза, с двух сторон локтями сжимаемая как в капкане возбужденным Мишей. Тело начало плавиться.

— Да, Варечка, моя любимая, тебе уже хорошо сейчас? Вот как тебе хорошо.

Я захныкала и замотала головой. Не хорошо, не хочу, не хочу так. Но произошло как обычно, Мишка сдернул вниз трусики и двигал своим штырем поддавая снизу лобок, прямо по тоненьким волоскам, и по складочке, и по чему-то очень нежному и сладкому там.

Он целовал меня в закрытые веки, в дергающиеся и шепчущие «Нет» губы, а потом, смеясь, пил мои тихие стоны.

Ноги немного подергались, и я замерла, учащенно дыша. Теперь Миша, уже не встречая сопротивления, просто втиснул член между сомкнутых бедер, не заходя в интимную полость, и задвигался с широким диапазоном, успевая покусывать шею и щипать за соски.

Грудь всегда была особой зоной внимания. Широкие и крупные, две упруго торчащие чаши, очень рано и порочно выросшие на стройном спортивном теле, стали моим первым проклятием, сильно приворожив ранее такого спокойного друга.

И сейчас он, перед тем как кончить, выгнулся, чтобы любоваться ими. — Сиськиии, — смотрел, улыбался счастливо и кончал.

Я отвернулась и задумалась, почему он каждый раз не настаивает на снятии трусиков, но по итогу делает что хочет, и я опять лежу вся открытая. Он вынуждал меня получить вспышку удовольствия, и только потом кончал сам, иногда показывая чудеса терпения.

Миша гордо считал, что он обо мне заботится, и девственности до свадьбы не лишает. Но все это вызывало у меня вопросы, правильна ли такая забота, когда все равно трогает где хочет? Только спросить было не у кого. Люське все было правильно, что бы не делал обожаемый Миша, мама бы надовала по щекам, старшая сестра... Ленок вечно была занята своим университетом, считала меня дурной пигалицей, и вообще не интересовалась как живу, чем дышу.

Бодрое чмоканье в грудь. Провел ладонью по телу. — Фигуристая ты у меня, Варька. Лучше, чем в порно. Все пацаны мне завидуют. Ам тебя в сосочек.

И Мишка, подтягивая на ходу штаны и напевая, отправился на кухню, оставив меня как выкинутую на берег рыбу. Помятую и бесконечно чужую для этой комнаты и особенно для ненавистного дивана, скрипящего пружинами, и на всю квартиру сообщающего чем мы на нем с Мишкой занимаемся.

Сняла более-менее сохранившие чистоту колготки и совсем мокрые, в белесых пятнах трусики. Хорошо что в сменке есть запасное белье.

Закрыла ладонями покрасневшее от стыда лица. Боже, как же ужасно. Меня почти не волновали приставания незнакомых людей, я привыкла к вниманию телесному, абстрагировалась, это не я, меня тут нет. Но Мишка был почти родным, поэтому, когда он пользовался, не обращая внимание на мои отказы, было горько.

Возьми себя в руки, Варя, нужно только немного потерпеть. В столице тебя заметят и начнется совсем новая, совсем другая жизнь. Там тебя начнут слушать. А пока — нужно еще заработать денег. На билет и проживание, на первое время. в столице, наверно, все дорого, еще дороже, чем у нас.

Довольная Люся («какие вы с Мишкой лапочки, мимими») напоила меня чаем с бутербродами. Одна она у меня настоящая подруга, и поддержит и выслушает, а ее слабость к брату... что уж поделать, надо принимать друзей такими, какие они есть.

Клуб «Котел», где я уже неделю подрабатывала по документам Лены, делясь с ней 15 процентами, был с другой стороны здания от танцевального «Небеса», в последнем мы часто выступали с коллективом.

Несмотря на совершеннолетие, трудовой у меня еще не было, да и возраст случился только-только, в «Котел» бы точно не взяли. А так — 22 года, лицо у Ленка, конечно, отличалось, более круглое и черты грубоваты, но будем считать, не фотогеничная я.

Если в Небесах был свободный проход, толпились люди, громыхала музыка из хлопающей двери. Но вход в Котел был чинным и пафосным, с дорогим мраморным холом и впечатляющей шумоизоляцией.

Я нырнула в небольшую дверь дальше по переулку, вход только для служащих.

Сегодня дежурил Вадик Бульдог, уж не знаю с чего его так обозвали, но под кличками тут ходили почти все. Я, например, взяла имя, близкое к привычному, Барбара, которое быстро привратилось в Барби.

Бульдог кивнул мне, не вставая со стула, а, когда проходила мимо, одобрительно шлепнул по попе широкой ладонью. Присвистнул в след.

Я заметила, что многим нравится моя накаченная от многолетних спортивных занятий пятая точка. Кто-то предпочитал огладить, кто-то шлепал как Бульдог.

Толстячок Буфф, наш арт-директор, как-то громко сказал, что предпочитает более мягкие, «не такой камень», что не мешало ему при возможности класть руку на мои ягодицы.

Занятия балетом с отцом, последующая гимнастика и танцы рано вылепили мою фигуру. Когда-то Мишке приходилось защищать меня от интереса старшеклассников, а потом он переключился сам, эх. И каждый день стал как через попу...

В раздевалке для служащих быстро переплела косу в две, свернув бубликами ушей. Буфф сказал, что когда он выпустит меня на сцену (а этого очень хотелось, деньги-то другие), волосы придется отрезать хотя бы до талии. Главное будет объяснить что-нибудь Эльвире, а то она уже спрашивает почему сонной так часто хожу.

Вытащила из своего шкафчика шортики, натянула вместо снятого платья. Сбрызнула тело блестками, надела удобные балетки-тапочки. Официанткой-топлесс, которой меня временно взяли, чтобы присмотреться, пока готовлю первый номер, я уже неплохо зарабатывала, вызывая завистливые взгляды других девочек.

Хотя всех отбирали по миловидности, самым важным критерием, конечно, было наличие красивой груди. И тут выделялись мы с Лаймой, у нее она была огромная как два воздушных шара. Схватись и унесет в небо.

А у меня крупная и стоячая, с чуть в стороны торчащими сосками-пуговками. Тоже ничего, вон Мишка как сосунок, оторваться не может.

В зале появлялись первые посетители, тихо играла музыка. Я подходила к столикам, улыбалась, чуть нагибалась, чтобы расслышать заказ и заодно немного увеличить чаевые. Посетителям разрешалось касаться, чем они с удовольствием пользовались. За моими столиками начали даже закрепляться постоянные посетители.

Один из них, приятный блондин, с мягкими манерами и чуть скошенным носом, выбрал заказ, и, выслушивая в ответ скороговорку, правильно ли записала, поглаживал мою грудь, чуть пощипывая сосок.

— Повтори еще раз, Барби-куколка. Пропустил начало. Помедленней, не торопись.

Повторила медленней. Он поглаживал, одобрительно кивая. Отпустил. В принципе даже приятно.

До этого один из студенческой компании за соседним столиком пытался потереть сосок влажными от пота руками. Вот это было противно. А блондин, ниче-так, норм как посетитель. Я быстро сновала, стараясь подходить максимально незаметно к совсем пьяным и грубым, зато активно крутилась вокруг веселых, много заказывающих и щедрых, улыбаясь, принося блюда и расставляя тарелки. Светиться когда хочу было уже не сложно, так как посетители засматривались на выступающих девочек.

Зазевавшись на совершенно шикарный разворот Юдифи, изображающей на ближайшем подиуме восточную красавицу, не отследила, как меня притянул блондин. Про себя я называла его Нос, за явно сломанную горбинку.

— Куколка, посиди со мной минутку, на чай не обижу.

Дернулась, нам нельзя присаживаться к посетителям, но он держал крепко. Скандалить тоже нельзя, поэтому решила пока выждать.

Меня усадили на коленки. Блондин смотрел на Юдиfy и оглаживал мои грудки.

— Совершенство, — прошептал он, то ли о моих выпуклостях, то ли об очередном изгибе танцовщицы. Мужские пальцы затеребили соски, чуть пощипывая и оттягивая их. Музыка и дыхание в шею вызывали непроизвольные мурашки.

Я могу кончать от ласк сосков, Миша пару раз доводил до этого, сейчас с Носом этого точно не хотелось. Я протестующе поерзала.

Пару поглаживаний, и отпустил, сунув купюру.

Свет замигал, грохнула музыка, подчеркивая очередной сброс покрывала с танцовщицы. И вот она уже призывно дрожит бедрами, медленно отрывая ладони с небольших упругих грудок.

Я сунула купюру в тайный кармашек для чаевых и довольно посчитала. Несмотря на то, что приходилось много делиться, накопления понемногу полнились, призрак столицы все более обретал реальные черты. Скоро я, простая девочка, закончу школу и завоюю мир.

Поправив иллюзорную корону, напевая, я, мечтательно щурясь, прошла мимо столиков и меня опять дернули за руку. Фу, это противная пьяная компания студентов.

Зажали на сиденье между двумя парнями, невысоким длинноволосым и крепким рыжим парнем, с прыщеватым носом. — Тихо, красотка. Полюбемся и отпустим, — зашипел длинноволосый.

Я всегда старалась не привлекать внимание охраны, все-таки совсем недавно работаю, поэтому только молчала и хлопала ресницами. Выпили мальчики, сейчас потешатся и отпустят, чаевые подкинут.

— Сука, никогда таких классных сисек не видел, — сказал рыжий, хватая в горсть навершие груди. — Почем дашь? — пыхтел ощупывая другой студент. Третий придвинулся к столу и уперся локтем, чтобы прикрыть наше шебуршение.

— Я не даю, — пискнула я. — Да ладно, — хмыкнул рыжий, хватая лицо за подбородок, — тут все дают, вопрос только в денюжках, не ломайся. И медленно лизнул по щеке.

Влажные пальцы длинноволосого погладили по животу. Я протестующе задергалась и начала отпихиваться руками. Вот такое я терпеть не буду. Придурки! В ответ рыжий вывернулся руки назад и, укусив губу, присосался к ахнувшему рту.

Сердце билось пойманной птицей. Спущеные шорты стреножили ноги, между ног грубо полезла рука.

Дергаясь всем телом, я мычала и вырывалась, но рыжий был сильнее.

Меня растирали, кусали, месили до боли груди. Шорты сдернули совсем. Музыка грохотала. От нехватки воздуха и ужаса начала кружиться голова. Неужели мне не помогут, вокруг же люди... Помо..

Вдруг рыжий дернулся, мои руки освободились, рот начал хватать воздух. — Неет! — наконец смогла жалко завизжать я.

— А вы рисковые ребята, — над нами, набывшись, бугрясь вздутой мускулатурой, стоял Бульдог. — Случайно не буддисты, что так жизнями разбрасываетесь? 5 секунд на оплату и на хуй к выходу. В Котле что б вас больше не видел.

Пока я, дрожащая, выходила из-за стола, компания, торопясь, явно испугавшись расплатилась и двинулась на выход. Длинноволосый злобно оглядывался, его недвусмысленно штаны топорщились. Не знаю, до чего бы дошло, если бы не выручил Бульдог.

Я содрогнулась и тихо заплакала.

Голенькую, обнимая за плечи, охранник завел меня в кабинет Буффа и посадил на диванчик.

— Чуть не изнасиловали прямо в зале дуру, а она молчала, — буркнул Бульдог, информируя начальство.

В кабинете почти ощутимо сгустился воздух.

— Может, не против была, а, Барби? — арт-директор присел рядом, склонил голову и тяжело

рассматривал мою мордашку с потекшей косметикой.

— Ннннет, — выбивала я стучащими зубами, и дрожа как осиновый лист.

Атмосфера тут же распогодилась. Видно шефа за сегодня достали мои шустрые сотоварки. Я знала, что в зале запрещены откровенные сцены, но слышала как девчонки норовят обойти запреты, чтобы подзаработать.

Буфф вздохнул и обняв за плечи, погладил по голове.

— Ну все, все. Бывает, впредь умнее будешь. Позовёшь охрану сразу... Беда с этими соплячками, — пожаловался молчаливо стоящему Бульдогу, — учить их и учить. Хуже только с тупыми шлюхами. Ты же не тупая у нас, куколка?

Я еще горше зарыдала, рывками вбиная воздух.

Буфф прижал меня к себе и успокаивающе бурча, гладил. Понемногу приходя в себя поняла, что оглаживания стали более горячими. Усмиряя мои завывания, Буфф прижимал к себе голову, зато руки по-хозяйски знакомились с телом. И телу это нравилось. Соски покраснели, скавшись ореолами.

Кожа потеплела, размягчаясь под умелыми ласками. От стыда я закрыла глаза, почувствовав как мне раздвигают ноги и ладонь накрывает лобок. Всхлипывала все тише.

— Что с девочкой случилось? Малышка испугалась. Откройся Буффу, папочка тебя успокоит. И кончик пальца заиграл по клитору. Все напряжение ночи сконцентрировалось для меня в маленьком комочке нервов между ног.

Через минуту уже не плакала, а скорее жалобно постанывала в шею своему начальству.

— Какая красивая у нас пизденочка, юная совсем, маленькая. Губки крошечные. Но посмотри, Буль, какая отзывчивая и мокренская.

Я осознала, что Бульдог стоит рядом и смотрит, ой, дернулась. — Не надо, подалуйста.

— Шшиш, — Буфф хохотнул, — не брыкайся. Сейчас папа Буфф сделает совсем хорошо.

И его толстые пальцы заскользили сильно потирая и теребя, убыстряясь, высекая удовольствие из готового вспыхнуть тела. Мое неуверенное испуганное тело попало в руки эксперта.

— Ааай, аааяай — беспомощно заскулила я, неожиданно быстро кончая, получая молнии удовольствия по всему телу.

С одной из ног от подергивая слетала балетка, ноги продолжали трястись, пальцы вцепились в Буффа. Я издавала тоненькие скрежетные звуки, потрясывала набухшими сосками и кончала и кончала, под двигающими пальцами-колбасками.

Наконец, Буфф вытащил руку и, довольно щуря глаза, лизнул пальцы. Поцокал как ценитель, испив глоток дорого вина.

— А вкус-то какой! Чистая амброзия, а не девочка.

Встал, потягиваясь, с кряхтением разминаясь.

— Как же устал я, то одно то другое. Ты, Барби, больше в зал не пойдешь, малая еще. С завтрашнего две ночи в недели выходишь к пилону, крутишь там свои солнца заковыристые. Как по мне, хрень, а не эротика, но хоть по столам ловить тебя не придется.

Я счастливо ахнула и слабо обняла его за ногу. Буфф, картино морщась, но удовлетворенно блестя глазами, отцепил мои дрожащие пальчики.

— Буль, прикрой ее чем-нибудь от греха и отведи одеваться, пусть домой катится. А ты детка, потом на меня помолишься, сейчас не мешай работать.

Меня укрыли теплым пиджаком и отвели в пустую служебную раздевалку. В комнате тускло

светили лампы, из зала доносились отголоски музыки, кто-то уже принес мои шортики и оставил комочком на скамье.

Я села, спрятав под скамейку еще дрожащие ноги, покрутила в руках тряпочку. Вроде не порвали. Чаевые лежали в карманчике.

— Ты как, оклемалась, Барби?

Буль навис надежной скалой, изучающе рассматривая своими небольшими глазами-буравчиками. Я прислонилась головой к его могучему бедру и вздохнула. Все, что ни делается, к лучшему. Вот немного испугалась, зато выступать разрешили, раньше Буфф все тянул, переносил, думала, так и прокатит меня с танцами.

Почувствовав тонкий аромат, скосила глаза и заморгала от неожиданности. Ширинка моего защитника демонстрировала приличную вздыбленость. Для него явно не равнодушно прошла картина моего получения удовольствия в кабинете шефа.

И тут я почувствовала прилив благодарности. Охранник реально меня спас, вырвал из рук пьяных насильников чуть не в последнюю минуту. Стоит, беспокоится. Махнула рукой на свои страхи. А и ладно, попробую.

Протянула ладонь и неуверенно погладила Бульдога по ширинке. Тот молчал, но под рукой дрогнуло. Тишина. Нервно облизнулась и вопрошающе подняла голову.

Смотрит. — Сама этого хочешь? В полутьме блеснула толстая золотая цепь на могучей шее. Я медленно кивнула.

Он положил лапищу мне между растрепанными бараками. Второй рукой медленно молнию на штанах. Почему-то звук прозвучал громко и даже пугающе.

— Только я в этом не очень, — пошла я на попятную.

— Эх, дурында-дурында, тихоня ты наша. — голос звучал раскатисто и... домашне, уютно, — Просто пососи, я тоже не любитель глупостей разных.

Член был ровный как стрела, с аккуратной глянцевой головкой. Идеально игрушечный, никаких вен как у Миши, без багровости на головке. По странному ухоженный и симпатичный. Интеллигентный такой. Мелькнула мысль: «все ли члены похожи на хозяев? Внешне или на характер? Вот член Миши...»

Мою голову подвинули вплотную, и мысль оборвалась. Я прижалась губами в осторожном поцелуе. Как раньше меня ни уговаривал Миша, я так и отказывалась взять его в рот. А вот Буля захотела.

Член как отдельный живой организм нетерпеливо затыкался в губы, и я открыла рот, принимая гостя. Пряный приятный запах защекотал ноздри, кругленький друг вошел и остановился, давая освоиться.

— Оближи его, куколка. Лизнула горячо. — Еще.

Начала старательно вылизывать. Очень странное ощущение. Гладенький такой. Почмокала с мокрым звуком.

Ствол исследующе двинулся дальше. Меня подхватили за бараки кос. И Буль, с наслаждением тихо постанывая, неспешно задвигал бедрами.

Это было потрясающее красиво и правильно. Незагорелый, мощный пресс живота, ниже кожаный ремень на застегнутом поясе и — упругий, посверкивающий от моей слюны ствол, торчащий из ширинки.

Все это ритмично двигалось, ремень издавал тихое поскрипывание. Я почему-то постанывающе выдыхала, он меня как будто выглаживал своим членом изнутри, полировал

меня сладко.

С губ капнуло. — Не торопись, куколка. Хочу подольше в рот поебать. Буль погладил оттопыреным пальцем по щеке, подвигал бедрами наискось, устраиваясь во рту.

— Немного в щечку, И моя щека раздулась. — И в другую.

Будь говорил совсем тихо, как будто бурчал, то ли для себя, то ли для меня, но объединяло это нас прекрасным общим удовольствием.

Он массировал пальцами член прямо через тонкую щеку. Сжал пятерней. Погладил от рта до уха, заботливо убирая прядки с лица. — Сладкий рот, так и думал. Смотри на меня, подними глазки.

Задвигал бедрами, все так же осторожно и ласково, ритмично входя и выходя из жарко дышащего и пускающего слону рта. Я посмотрела ему в глаза, и поплыла на волнах кружашего голову такта.

— Открой пошире. Язычок вперед.

И, поглаживая рукой мое покорное как глина лицо, второй рукой двинул и выстрелил в несколько движений, сбрасывая напряжение на вытянутый язык.

Пока хлопала глазами и пыталась сообразить что делать дальше, Бульдог прижал за челюсть.

— Проглоти мой крем, малышка.

Гладил шею, пока я проглатывала. И, наклоняясь, поцеловал в нос.

— Как ты?

Неуверено улыбнулась. — Хорошо.

Буль кивнул. — И мне. Ты просто прелесть.

Помог одеться и собраться. Кивнул другому охраннику у двери и шлепнул по попе, перед тем как выпустить.

Я стояла на прохладном вечернем воздухе, глубоко дышала, поймала себя на мысли, что не хочу идти домой. Там мать со своими истериками, грязный серый дом, липнущий Миша.

Хочу остаться в Котле. Где красивые блики по стенам, задорная музыка, где меня защищают, а я буду блескать на сцене, встречаемая аплодисментами.

Подул ветер, залезая под токий материал и намекая, что еще не лето. Сгорбившись и обняв себя руками, я побежала домой. Завтра будет новый день. Завтра я буду танцевать!

Продолжение следует... — — — Внимание! Это интерактивный рассказ, создается совместно с читателями.

1. Пишите в комментариях пожелания, идеи и хотелки. Отмечайте плюсами предложения других читателей, которые вам тоже понравились. И наиболее популярные и яркие идеи будут включены в дальнейшие серии, развивая сюжет, отправляя героиню в приключения.

2. Есть категории, в которых я теряюсь и не смогу написать — это Пожилые, Копро, Инцест, Кукольд, Гомосексуалисты, Би, Фемдом-Лесбиянки. Остальное мне нравится, поэтому идеи в разных областях принимаются, главное, чтобы сюжету и героине подходили)))

3. Можно в личку, но в комментариях вернее. Пишите даже если много серий вперед ушло, классную идею впишу в историю обязательно, просто попозже.

Общие комментарии о тексте и с целью поболтать с автором тоже приветствуются!

Серии будут выходить оперативно. История закончится, когда подойдет время по смыслу или иссякнет интерес читателей.

Отличного нам всем приключения!

Ну и Куколке-тихоне тоже)))